

Драйзер - Достоевский (Стратиевская) - Часть 4

15. Драйзер — Достоевский. Разделение обязанностей

Раздражение Достоевского часто является следствием физической усталости, общего переутомления и связанного с этим плохого самочувствия. Не получая должной практической помощи со стороны окружающих, Достоевский (ориентированный на дополнение с заботливым и деловым сенсориком - экстравертом Штирлицем) требует к себе повышенного внимания и заботы. Из - за это часто разыгрывает из себя роль чрезвычайно занятого, загруженного - перегруженного работой человека, стремящегося везде успеть, всем угодить и в конечном итоге не справляющимся даже с минимальным количеством своих обязанностей. Представительницы этого ТИМа часто перед домочадцами часто разыгрывает роль "загнанной домохозяйки": рассчитывая на их помощь и поддержку, "из последних сил", — жалуясь на усталость и на недомогание, за всё берутся и всё бросают, ничего не доделывают до конца, надеясь, что кто - то подхватит их инициативу и завершит начатое. (Для них это один из способов навязывать свою деловую; программу окружающим).

Достоевский не из тех, кто берётся за бревно с тяжёлого конца. В совместной работе он предпочитает брать на себя наименьшую нагрузку, отстраняясь от всех остальных дел. В отличие от Драйзера он не склонен переоценивать свои возможности, поэтому работая в паре с ним большую часть ответственности, нагрузки и обязательств.

Примеров можно привести множество.

Один из них:

Два парня — Драйзер и Достоевский разгружали грузовик, переезжая на другую квартиру. Достоевский загрёб в охапку какую - то одежду и посуду, которую зачем - то вынул из корзины, тут же у него всё это мимо рук посыпалось, что - то разбилось... Драйзер, видя всё это, попросил его пока что постоять в сторонке, до тех пор, пока он сам ему скажет, что и как нужно делать. Эффектное зрелище представляла собой завершающая сцена этой разгрузки: Драйзер шёл впереди и нёс в руках огромную коробку с телевизором, Достоевский шёл за ним следом и нёс в руках картонную крышку от этой коробки. Время от времени, чувствуя, что роняет коробку, Драйзер к нему оборачивался и сквозь зубы кричал: "Поддержи это, помоги мне!", Достоевский, рассеянно глядя куда-то вверх, говорил: "Да-да..." и продолжал нести в руках одну эту крышку.

Другой пример:

Две студентки педвуза — Драйзер и Достоевский — работали пионервожатыми в одном отряде. Драйзер с утра до вечера носилась, как угорелая по этому лагерю, пытаясь занять детей. Играла с ними в спортивные игры, готовила программы к конкурсу самодеятельности и к игре в КВН, в плохую погоду вела кружок рисования,

готовила их к конкурсу отрядной песни, и к спартакиаде, и к участию в военной игре "Зарница". И уборкой территории с ними занималась, и физзарядку по утрам поводила, и строевой марш с ними отработывала. Но иногда ей хотелось узнать, а чем в это время занимается её напарница — вторая вожатая, ЭИИ, Достоевский. Оглядывалась по сторонам и находила её сидящей на травке, или на скамеечке, читающей девочкам сказки или плетущей веночки из васильков. Предложение Драйзера взять на себя хотя бы часть из их общей нагрузки, принималось её напарницей - Достоевским в штыки: "А что ещё делать? Я и так работаю" — обиженно говорила она. Иногда она одна уходила с территории лагеря в лес или на пляж загорать. "Нет, чтобы с собой детей взять!" — возмущалась ЭСИ, Драйзер. Начальница лагеря, отдыхая на пляже, тоже встречала там вожатую -ЭИИ и отчитывала её по всей форме. Но та ссылалась на свою слишком деятельную напарницу - Драйзера: "А что мне делать, если она на себя всё берёт, другим работы не оставляет...". Потом Драйзеру за её же активность влетало.

16. Драйзер — Достоевский. Отсутствие должной суггестии по аспекту деловой логики

В семейных, в супружеских отношениях отсутствие должной суггестии по деловой логике усиливает мнительность и раздражительность Достоевского. Ему кажется, что партнёр не желает о нём заботиться, отказывает ему в материальной поддержке, в дружбе, во взаимопомощи. У Достоевского возникают сомнения в чувствах его партнёра. Ему кажется, что партнёр недодаёт ему душевного тепла и любви. Напрямую он этого потребовать не может (этик - аристократ). Начинает издалека подводить партнёра к нужному выводу, воздействуя на него сначала намёками, дурашливыми выходками и потом уже капризами и упрёками, переходящими в открытое раздражение непонятливостью и недогадливостью его партнёра. После чего становится ещё более требовательным, обидчивым и раздражительным. Выжимая из партнёра каждую новую услугу, Достоевский предусмотрительно запасается ими впрок. Просьб партнёра он при этом не слышит: сосредоточен только на себе и на том, что ему что - то недодают. При этом всем и каждому жалуется на партнёра, обвиняет его в отсутствии чуткости, внимания и заботы. (Потом, стыдясь своей минутной слабости и боясь злоупотреблений его откровенностью, предусмотрительно жалуется на тех, кому пожаловался на своего партнёра, — на тот случай, если они ему донесут. Потом устаёт от враждебного отношения с окружающим миром и призывает всех к умиротворению отношений.)

Партнёр (а тем более, Драйзер) начинает понимать, что по мере оказания услуг всё больше запутывается, — попадает в "лохотрон": сколько ни окажешь внимания и заботы, всё мало. Опасаясь откровенной эксплуатации, он пытается померить запросы Достоевского, выражая всё большее недовольство по поводу каждого из его новых требований. Достоевского, соответственно, возмущает такая позиция: "Любящий человек не будет считаться со своими затратами! Не будет смотреть, много сил и внимания он уделит, или мало! — поучает он Драйзера, — Любовь требует жертв". И тут уже Драйзер находит, что возразить: "Любящий человек не делает из любви предмет торга, требуя всё больших и больших её доказательств."

Сталкиваясь с контраргументами Драйзера, Достоевский приходит в ещё большее раздражение. Ему кажется, что этот человек просто не желает его понимать, ничего не

желает для него делать. И начинает отвечать ему тем же — бойкотами, которые теперь уже тормозят деловую и творческую инициативу Драйзера, что в сочетании с другими запретами и ограничениями, навязываемыми Драйзеру Достоевским, производит на Драйзера впечатление откровенного саботажа.

Не получая должной суггестии по аспекту своей деловой логики (+ч.л.5) и не получая никакой фактической помощи со стороны Достоевского (бойкот есть бойкот!), Драйзер, пытается теперь уже самостоятельно решать свои и его (Достоевского) деловые проблемы. Но постоянно наталкивается на его немотивированное и упорное сопротивление.

Всё это напрямую приводит их к волевому противостоянию — противостоянию двух статиков, каждый из которых считает, что теперь, после многих уступок и упущений им пришла пора взять реванш. Драйзер уже не способен уступать Достоевскому, бойкоты которого поставили их общее дело на грань провала.

Продолжая отстаивать свою точку зрения, Драйзер снова и снова наталкивается на упорное — железобетонное! — сопротивление Достоевского, переломить которое ему не удаётся даже при полной мобилизации всех своих сил (подаваемых с позиций аспекта изобретательной, творческой своей волевой сенсорики (+ч.с.2).). Достоевский мобилизует свою ДЕКЛАТИМНУЮ ВОЛЕВУЮ СЕНСОРИКУ (-ч.с.4) и уходит в глубокий отказ — удерживает оборону позиций своих до последнего, — так, словно отчаянное положение их общих дел его совершенно не беспокоит — гори оно синим огнём!

Ситуация заходит в тупик У Драйзера возникает ощущение, словно он лбом пытается пробить бетонную стену. На все его доводы — такие понятные и такие разумные, — Достоевский не реагирует, а упрямо набычившись, стоит на своём, как скала, и не уступает ему ни пяди, действуя вопреки интересам их общего дела, вопреки здравому смыслу, прежним договорённостям и своим обещаниям.

Не удаётся Драйзеру ни переубедить Достоевского, ни переломить, — хоть ты плачь! (Иногда хочется его поколотить, но Драйзер себя от этой меры удерживает.)

Переломить сопротивление "мягкого" и "уступчивого" Достоевского не удаётся иногда даже Жукову! Единственный выход разблокировать его жёсткую оборону — апеллировать к его милосердию и состраданию, — постараться уговорить его сменить гнев на милость. Достоевский уступит просьбе Драйзера (или кого - то другого) только тогда, когда будет уверен в том, что заставил его признать преимущество "доброй воли" над "злой", — преимущество милосердия над насилием. (Человек попросил его по - хорошему, получил его согласие, а попёр на него танком, — ничего не получил: встретил с его стороны жёсткое сопротивление, которому вынужден был уступить.)

Утвердив таким образом "преимущества добра над злом", Достоевский, записывает себе очередную победу в актив, считая что преподал Драйзеру хороший урок.

Не получая должной поддержки по суггестивному своему аспекту деловой логики (-ч.л.5), Достоевский Драйзеру, по большому счёту, не доверяет, в правильности его действий сомневается, его решения и предложения оспаривает, его распоряжения бойкотирует. Часто делает это и для того, чтобы (в лучших традициях дельта - квадры) фактически (а не директивно, формально) подчинить его своей воле, утвердить своё превосходство над ним. Действует изворотливо, дву стандартно — с позиций творческой своей интуиции потенциальных возможностей (-ч.и.2), — подменяя серьёзные отношения игрой, меняя роли по обстоятельствам и по своему усмотрению. Иногда мотивирует свои действия "благими намерениями", — особенно, если поступает вопреки здравому смыслу и их общим деловым интересам, иногда просто оказывается объяснять свои поступки, упрямо нахмурившись смотрит в пол, или искоса лукаво поглядывает, мол, "догадайся сам!".

Н у Драйзера нет времени разгадывать его загадки. А Достоевского это обстоятельство не смущает, — он, знай, продолжает свою игру, словно ничего ужасного и не происходит. Но при этом упорно настаивает на своём, пробивается в руководители, в нарушение субординации продолжает навязывать своё превосходство — кто - то должен взять на себя руководство, партнёр поступает "неправильно"!

17. Драйзер — Достоевский. Противоборство кадровых комплексов

Когда Достоевский "заигрывается" (возомнив себя руководителем), Драйзер от него только и слышит: "Я этого не разрешаю...", "Я это запрещаю...", "Я против этого...", "Нам это не нужно...". Принимая его запреты всерьёз, (а Драйзеру трудно бывает их не принять, потому, что при всей абсурдности, они его в какой - то мере суггестируют своей деклатимной убеждённостью -ч.л.), Драйзер начинает сомневаться в правильности своих действий и невольно подчиняется запретам Достоевского — всё чаще ловит себя на том, что старается их учитывать в своих последующих действиях и решениях. Замечает, что ему всё труднее становится эти запреты нарушать, — какими бы абсурдными они ни были: ("Туда не ходи!..", "На этого не смотри!", "С этим не разговаривай, я этого не разрешаю..."). Запреты Достоевского могут и Джека (не ребёнка, а взрослого человека) сковать по рукам и ногам, хотя деловая логика — его программный аспект. Про Драйзера же и говорить нечего: в результате всех этих запретов он чувствует себя опутанным бесконечным множеством обязательств, скованным огромным количеством ограничений, из которых уже выбраться сам не может, — куда ни повернись, всюду запрет. Чувствует себя ограниченным и зависимым в действиях. А это уже для него удар по кадровому комплексу "связанных рук", которому он сопротивляться не может. И это внутреннее противоборство с самим собой оказывается сильнее всех внешних преград, навязанных ему Достоевским. Подчиняясь внутреннему импульсу (задаваемому кадровым комплексом), Драйзер рвёт свои "пути", а заодно и разрывает отношения с Достоевским, разрушая разом все поставленные им преграды. Нарушает все его запреты, проявляя свою волю, свою творческую и деловую инициативу в полную силу. Чем опять же вызывает обиды и новый протест со стороны мнительного и завистливого к чужому успеху Достоевского, и теперь уже сам его "бьёт" по его дельта - кадровому комплексу "подрезанных крыльев" — Достоевскому не удалось выбиться в руководители, не удалось взлететь выше вышестоящих: его, Достоевского, здесь никто не слушает, с его планами не считаются, его мнение

игнорируют, запреты и ограничения его нарушают...

У Достоевского возникает ощущение бесперспективности отношений, возникает ощущение безысходности и тупика. Переломить ситуацию он в очередной раз пытается волевым (-ч.с.4) и эмоциональным (-ч.э.7) напором, что приводит его самого в отчаяние и усугубляет ощущение беспомощности, поскольку эти аспекты не входят в число его приоритетных ценностей. И задействуя их, Достоевский поступает против собственных правил: не позволяя другим действовать окриком и с позиции силы (не позволяя даже говорить на повышенных тонах), действуя с позиции силы, он сам первый нарушает свои же собственные запреты. И теперь слабое объяснение его: "А что же мне делать, если вы по - другому меня не слушаете." — уже никого (а тем более, Драйзера) не убеждает. Двустандартного отношения к их партнёрским обязанностям и правам Драйзер не признаёт, — против этого восстаёт его программный аспект (-б.э.) — "командная" этика отношений.

18. Драйзер — Достоевский. Основная проблема делового и творческого взаимодействия

Драйзер, ориентированный на дуализацию с чрезвычайно активным и деятельным, отчаянным смельчаком — ЛИЭ, Джеком (-ч.л.1 /+б.с.2), в деловом партнёрстве со своим "родственником" попадает в зависимость от Достоевского — человека пассивного, бездеятельного, подавленного страхом и опасениями, — саботажника бойкотирующего его (Драйзера) распоряжения и готового в любую минуту поступиться их общими интересами, идя на поводу либо у каких - то своих мелочных претензий и обид (возбуждаемых в нём чувством зависти, ощущением собственной профессиональной невостребованности или проф. непригодности), либо пасуя перед более сильным и агрессивным конкурентом, из страха и слабости перед которым может поступиться интересами их общего дела, заставляя Драйзера подчиниться возникшим условиям, опутывая его (в целях предосторожности) всякого рода надуманными запретами (-ч.с.4) и унижительными обязательствами, запугивая мрачными прогнозами и предостережениями (-ч.и.2), которые сам же и изобретает, сам верит в них и навязывает собственные опасения другим.

Действуя таким образом, Достоевский сковывает деловую и творческую активность Драйзера постоянными страхами и сомнениями, заставляя его запаздывать с принятием важных решений, при этом отслеживает свои преимущества во времени, которые выигрывает за счёт всех этих проволочек, которые усугубляет ещё и своими бойкотами (своей кажущейся нерасторопностью), своим нежеланием выполнять тяжёлую или рутинную работу и постоянно навязываемым доминированием.

И чем больше Драйзер сомневается в своём праве самостоятельно принимать и отстаивать свои решения, тем с большей уверенностью Достоевский навязывает ему своё доминирование, сковывая его деловую и творческую активность всё новыми обязательствами и ограничениями, угнетая всё новыми страхами и предубеждениями, изводя постоянными упрёками и придирками. Пользуясь случаем (который может сам спровоцировать), Достоевский дотошно и въедливо упрекает Драйзера по любому мнимому или реальному поводу, — по поводу несвоевременности его поступков и

действий, по поводу неэффективности принятых мер, по поводу неэтичности мотивов или стиля его поведения.

Вся эта критика действий, поступков и отношений бьёт Драйзера и по комплексу "связанных рук" — из-за препятствий, мешающих реализовать ему свой деловой и творческий потенциал и поминутно возникающих (по воле ЭИИ, Достоевского) на ровном месте. Это и "удары" по ЭГО - программе Драйзера, заставляющие его испытывать чувство вины и занижающие его самооценку. Это и "удары" по т.н.с. — проблематичной интуиции потенциальных возможностей (+ч.и.4), обостряющие ощущение тупика, безысходности и заставляющие Драйзера сознавать своё бессилие в сложившихся обстоятельствах, чувствовать ограниченность собственных сил и возможностей, ощущать неспособность преодолеть воздвигаемые перед ним препятствия, неспособность выбраться из этого тупика.

Все эти действия Достоевского, — все навязанные им ощущения, — занижают волевою активность Драйзера, подавляют его волевою самоконтроль. Угнетают его физически и морально, оттесняют на унижительную и зависимую позицию "зомби" — исполнителя чужой вздорной воли, — бесправной марионетки, опасющейся предпринимать крайне важные для себя действия самостоятельно.

19. Достоевский — Драйзер. Антагонизмы родственных отношений

— *Что конкретно не нравится представителям этой диады друг в друге?*

— То, что им не нравится друг в друге, лежит глубоко в структуре моделей их ТИМов, в сфере квестимности и деклатимности их информационных моделей, а также в сфере реализации их этических ЭГО - программ (которые они постоянно пытаются приблизить к своим эталонам, своим представлениям об этике отношений).

Достоевскому не нравится сенсорная реализация (+ч.с.2) этической программы Драйзера, — её агрессивность, воинственность, её квестимная отчуждённость, "колючесть", холодность, чувствительность к сенсорному и психологическому дискомфорту.

Не нравится и неуживчивость Драйзера, его конфликтность, неумение ладить с людьми.

Вследствие слабой своей интуиции потенциальных возможностей (+ч.и.2) Драйзер не позволяет себе сблизиться с теми людьми, которым не доверяет. А не доверяет он очень многим (негативист). Стоит только ему отказаться от привычной своей настороженности и уступить в просьбе кому-нибудь страстно желающему сблизиться с ним, как он тут же попадает в какую-то неприятность, — и всё по вине того же "отчаянно влюблённого" в него человека, стремящегося с ним подружиться и растопить льды его души.

Достоевский часто оказывается в числе именно таких друзей: дистанцию он сокращает очень быстро (стратег - деклатим), авансы раздаёт очень щедро (по крайней мере на

словах). На деле же щедрым бывает недолго: быстро обижается, видя что знаки его радушия, его предложение дружбы отвергают или не воспринимают всерьёз. Заметив это, может быстро лишиться человека своего расположения и кардинальным образом изменить своё мнение о нём.

Драйзер из - за присущей ему настороженности и холодности часто оказывается в положении именно этих, быстро попадающих в опалу недавних друзей.

Достоевский не прощает Драйзеру его скрытности (свойственной Драйзеру как интроверту - квестиму - негативисту). Драйзеру же не нравятся настойчивые попытки Достоевского, втереться к нему в доверие, "настырно пролезть прямо в душу". Возмущают и вопиюще бестактные (с точки зрения Драйзера), вызывающие на откровенность вопросы Достоевского: "О чём ты сейчас думаешь?", "Что ты чувствуешь?".

Драйзер на такие вопросы не отвечает: он против того, чтобы его душу просвечивали и обшаривали со всех сторон, пытаясь проникнуть в самые сокровенные её тайники. Во всех этих поползновениях он усматривает возмутительную и недопустимую экспансию со стороны Достоевского, покушение на его, Драйзера, внутреннюю независимость, на его внутренний мир, духовные богатства которого Достоевский отмечает, отслеживает, интересуется ими и желает к ним приобщиться (гуманитарий).

Сам факт того, что Драйзер не подпускает его ко всему этому, Достоевского обижает. В каком - то смысле он чувствует себя захваченным врасплох и изгнанным из рая, — святилища чужого храма за то, что слишком уж глубоко захотел проникнуть в чужие тайны. Хотя со своей точки зрения, ничего плохого в этом приобщении Достоевский не усматривает. Как этик - деклатим он стирает границы дозволенной откровенности, полагая, что между близкими людьми не должно быть никаких "своих" тайн. Не должно быть неясностей и недоговорённостей: все секреты и тайны должны быть общими, — этого необходимо достичь для полного слияния душ в единое гармоничное целое, а иначе, какая же это будет этическая и духовная близость?

Драйзер же отстраняет от себя Достоевского с такой суровой прямоотой и бесцеремонностью, что тот чувствует себя, как пойманным за руку на неблагоприятном поступке, — только хотел дотянуться до желанной цели, как его тут же хлопнули по рукам.

Впрочем, Драйзера тоже можно понять: к настырной навязчивости Достоевского, к его, одновременно, и вкрадчивым, и бесцеремонным расспросам он относится, как к покушению на святая святых его внутреннего, духовного мира. Всякий раз после таких проникновений в глубины его субъективного психологического пространства Драйзер чувствует себя обкраденным и обеднённым — так, словно гармоничные сферы его души после этих вторжений оказались разрушены, а сокровенные её тайники понесли невосполнимую утрату и потерю.

Целостностью своего духовного мира Драйзер очень дорожит и никому вторгаться в

него не позволяет. А если ещё после всех этих же откровений, глубинных проникновений в его душу и доверительных отношений Достоевский его к тому же и предаёт, Драйзер замыкается в себе ещё больше, а его конфликт с внешним миром ещё глубже обостряется.

Драйзер, разумеется, таких обид не прощает. Но и наказать Достоевского, отомстить ему в полной мере со свойственной квестимам медлительностью не успевает: предусмотрительный Достоевский со своей стороны принимает всевозможные меры предосторожности и в кратчайший срок успевает восстановить против Драйзера всё их общее окружение. Настраивает против него всех, с кем только успевает связаться — так, что в течение двух - трёх дней отношение окружающих к Драйзеру в корне меняется.

Драйзер, в ответ на бурную активность, развиваемую Достоевским, ничего не предпринимает, — выжидает, дожидается конечного результата этой акции, чтобы потом попросту вычеркнуть из своей жизни и из своей памяти всех тех, кого Достоевский настроил против него. Исключение составят люди, с которыми Драйзера связывают очень близкие и очень дорогие ему отношения. За возвращение их доверия и расположения к нему Драйзер будет упорно бороться.

При таком нарастающем вокруг него напряжении внешняя (обманчивая) невозмутимость Драйзера может до такой степени раздражать Достоевского, что ему самому захочется вывести его из равновесия колкими и язвительными замечаниями смутить его до глубины души и пробить эту его непроницаемую броню. Найдя себе сильного и влиятельного покровителя и настроив его соответственно, Достоевский приводит его на встречу с Драйзером, желая одержать моральную победу над ним и закрепить фактическое превосходство.

И тогда уже Драйзеру бывает интересно посмотреть на Достоевского, который, выглядывая из - за широкой спины своего защитника, в самых глумливых и самых язвительных выражениях с ним "объясняется", пытаясь прощупать предел его терпения, выбить из равновесия, вывести из себя.

С невозмутимым спокойствием Драйзер, следуя требованиям своей ЭГО - программы и наблюдательной этики эмоций (+ч.э.7), с интересом разглядывает искажённое гримасами лицо Достоевского, отслеживает его мимику, интонации, ехидное выражение глаз, — всё это ему необходимо запомнить, прежде чем разорвать отношения с Достоевским после этой встречи раз и навсегда.

Когда он видит, как Достоевский выглядывает из - за плеча своего защитника, как говорит из - под его руки, льнёт к нему, словно прячется у него под крылом и при этом забавляется от души ощущением своей защищённости и мнимого превосходства, — хихикает, дурашливо веселиться, прикалываясь по полной программе и чувствуя себя победителем, он (Драйзер), пресытившись этим зрелищем, теряет всякое уважение к этому человеку. Прерывает его резкой репликой, и на этом "спектакль" заканчивается. Мстить Достоевскому после всего увиденного Драйзер уже не будет — противно

связываться! Крайняя степень падения в поведении Достоевского подействует на Драйзера как сигнал "лежачего не бить", — до того омерзительным, ничтожным и жалким существом он в этот момент ему покажется. После всего этого Драйзер не позволит себе о него руки марать, — презрение и отвращение к нему он будет испытывать ещё очень долго.

Отношения Драйзера с Достоевским на этом будут разорваны и абсолютно прекращены. Какое - то время Достоевский будет ждать, что Драйзер придёт к нему извиняться. Будет рассказывать о нём их некогда общим друзьям: "Видел его вчера в фойе театра. В антракте он стоял неподалёку и должно быть тоже меня видел. Но не подошёл ко мне, не поздоровался, не извинился. Не знаю, как это объяснить..."

А объяснить всё это можно очень просто: для Драйзера этот человек больше не существует. И что бы ни случилось с ним впредь, Драйзера это уже волновать ни в коей мере не будет. В этом жёстком и окончательном разрыве отношений и заключается его месть: Драйзер знает, что Достоевский в нём будет остро нуждаться, но помощи и поддержки его теперь будет лишён.

Достоевский это тоже предвидит и переживает их разрыв очень болезненно. Как этик и деклатим он очень тяжело переживает потерю устоявшихся и привычных для него отношений. Связи с близкими и дорогими ему людьми рвать не любит. Как деклатим, а тем более этик, Достоевский любые потери на этическом фронте переживает очень болезненно.

При этом испытывает жесточайшее чувство вины, которое теперь уже с него некому будет снять, — никто ему не скажет: "Это я виноват! Я сам первый должен был бы к тебе прийти и попросить у тебя прощенья, за то, что так резко тебя от себя отдалил, не захотел поделиться с тобой своими чувствами, мыслями, ощущениями. Не захотел одарить тебя своей заботой, своей дружбой, любовью, поддержкой. Не разглядел и не понял, как остро ты во всём этом нуждаешься. А вместо этого выставил вперёд свои колючки и оттолкнул тебя очень далеко! Ты даже не представляешь, как я теперь сожалею об этом, как хочу искупить перед тобой свою вину!"

Разумеется, Драйзеру и в голову не придёт прийти и высказать Достоевскому всё это, — не рискнёт допустить, чтобы тот во второй раз попытался проникнуть в тайники его сокровенных мыслей, чувств, ощущений. Как решительный - сенсорик - квестим Драйзер этого никому позволить не может. Свои мысли он держит глубоко в себе, а его чувства и ощущения — тайна за семью печатями даже для него самого, — ящик Пандоры, который он даже для себя не открывает, а не то, что для какого - то ушлого, любознательного, мало знакомого ему человека, который, пытаясь проскользнуть прямиком ему душу, слишком быстро и слишком бесцеремонно размывает границы своего и чужого психологического пространства.

Достоевский только тогда уже понимает, что допустил непоправимую бестактность, когда Драйзер отстраняет его от себя, — то есть, слишком поздно. И желая приглушить в себе чувство вины или перенести её на чужую голову, Достоевский начинает

Драйзеру мстить за нанесённую ему обиду. Это Драйзер, по его мнению, был слишком резок с ним, холоден, чёрств и неделикатен, говорил на повышенных тонах (чего Достоевский не любит и никому не позволяет), а значит пытался его этим унижить. А это уже прецедент для того, чтобы начать Драйзеру мстить — поучить его уму - разуму, преподать урок вежливости...

Поначалу как достойного себе противника Драйзер Достоевского не воспринимает. Недооценивает и всей меры опасности своей ссоры с ним. И осознавать её начинает только тогда, когда замечает, как стремительно сокращается число друзей в его окружении. Когда видит, как образуется вокруг него зона отчуждения и непонимания, по другую сторону которой то и дело шустрит и больше всех суется этот милый и безобидный, на первый взгляд, человек, — так отчаянно нуждающийся в помощи и заботе окружающих (или хотя бы в опеке одного заботливого человека), что готов натравить целый мир на любого, кто обидит его недоверием, отдалит от себя и откажет в столь необходимой ему помощи и поддержке.

Драйзеру многое не нравится в Достоевском. Внушает опасение его навязчивость, беспринципное лицемерие и конформность (свойственные Достоевскому как деклатиму, дельта - интуиту, этику). Настораживает его способность слишком быстро сблизиться с людьми, втираться в доверие к ним, создавать из их числа свою "свиту" ("группу поддержки"), растворяться в ней, становиться единым с ней целым, неизменно утверждать в ней своё лидерство (это ведь его "свита"!), направлять её на расширение сферы своего влияния, обрушивать всю её мощь то на одного, то на другого обидевшего его человека и создавать вокруг него "зону отчуждения", перетягивая на свою сторону людей из его близкого окружения.

— Мера защиты здесь явно преувеличена, — замечает Читатель. — Всё это больше похоже на стрельбу из пушки по воробью...

— Так ведь и страхи здесь тоже преувеличены! Недаром же говорят: "у страха глаза велики", а тем более, если этот страх ощущает человек, привыкший считать себя слабым и беззащитным (-ч.с.4).

20. Драйзер — Достоевский. Отношения демократа и аристократа

Одна из причин двойственности — двухмерности, двустандартности — этики отношений Достоевского в её иерархичности (признак аристократизма). Достоевскому трудно претендовать на две социальные роли, в соответствии с которыми он — с одной стороны старается быть самым главным, влиятельным и самым незаменимым человеком в системе. С другой стороны — самым опекаемым и самым защищённым.

Претендуя на роль доминанта системы, Достоевский присваивает себе его права, льготы и полномочия, которые тут же и реализует самыми строгими и суровыми методами: навязывает своим домочадцам завышенные обязательства, требует от них беспредельных уступок и беспрекословного подчинения, подавляет и терроризирует их жестокими запретами и ограничениями.

Претендуя на роль самого защищённого и самого опекаемого человека в системе,

Достоевский разыгрывает роль изнеженного инфанта, присваивает себе все права и привилегии самого слабого, постоянно нуждающегося в моральной и социальной поддержке человека.

При все условиях он старается сохранить за собой все права и привилегии как самого сильного, защищённого, так и самого слабого, незащищённого звена этой социальной системы. По его творческой ДЕКЛАТИМНОЙ интуиции потенциальных возможностей (-ч.и.2), Достоевскому удаётся в системе быть одновременно на двух, самых привилегированных (в его понимании) позициях — самой верхней и самой нижней. И в обоих случаях от этих внезапных диаметрально противоположных перемещений ВЫИГРЫВАТЬ, наработывать, накапливать льготы привилегии по всем фактическим показателям, пользуясь преимуществами то одной, то другой роли, меняя их в зависимости от обстоятельств по своему усмотрению. (Такая "магия перевёртышей" деклатимной модели).

В выборе своего места в системе Достоевскому трудно прийти к окончательному решению: хочется присваивать преимущества всех самых привилегированных слоёв иерархии, что он и стремится делать по мере сил и возможностей. Одновременно с этим ему приходится и подавлять сопротивление остальных членов системы — реальных её доминантов, субдоминантов, инфантов, на чьи права, привилегии, льготы Достоевский реально фактически претендует, — всеми правдами, и в шутку и всерьёз, поминутно меняя и роли и ипостаси. И аргументируя свои посягательства на чужие права и привилегии только одной фразой: "Мне можно, тебе нельзя".

Пользуясь этим приёмом, Достоевский из любых отношений (+б.э.1) и соотношений (+б.л.3) может извлечь для себя выгоду в моральном, материальном, этическом, иерархическом, волевом или возможностном плане. Компасом для него будет изобретательная альтернативная интуиция потенциальных возможностей (-ч.и.2). Флагом и знаменем — программная этика отношений (+б.э.1), позволяющая ему в любом случае претендовать на моральное превосходство (даже если по сути он позволяет себе аморальный поступок), и оставаться "на высоте".

Мнительность и обидчивость — обычные для него (как для аристократа - гуманитария) позволяют ему удерживать за собой привилегированные позиции там, где по правилам других соотношений (по всем остальным аспектам) он не имеет на это права. Как не имеет права уходить от ответа или ответственности, претендуя на роль лидера и доминанта системы; не имеет права претендовать на опеку и помощь, заявляя о своей немощи, если жестоко терроризирует своих близких с позиции силы.

В отношениях с Драйзером эти противоречия выявляются довольно быстро. Драйзер подмечает их по своей контактной, ролевой логике соотношений. И его в принципе возмущает такая позиция: почему одному (Достоевскому) достаётся всё только самое лучшее, другому — то, что останется. Почему один должен видеть только праздничную сторону этой жизни, а другие — терпеть её изнанку. Не удивительно, после этого, что в ослеплении своим розово - рафинированным мировосприятием, Достоевский не соглашается с тем, что у этой светлой, праздничной стороны жизни есть ещё и

будничная, теневая. И уж ни коим образом не соглашается на этой мрачной и теневой стороне жить, поэтому время от времени разыгрывает роль "жертвы чужих притеснений", претерпевшей достаточно на этом свете и неспособной вмещать в себя ещё и другие страдания.

Это опасное совмещение двух противоположных ролей — "доминанта системы" и роли "парии" — жертвы собственной скромности, уступчивости, смирения и долготерпения, заставляет ЭИИ, Достоевского периодически нарушать правила игры то одной, то другой роли. Одновременно с этим он ощущает потерю доверия к одной, а то и к двум своим ипостасям. В итоге противоречия становятся всё более явными. (Тут даже ребёнку становится ясно, что кто - то плурует: если он (ЭИИ, Достоевский) — пария и последний человек в этой системе, значит он в ней не первый — не самый главный, — не доминант. А если он — доминант и самый главный человек в этом доме, значит не имеет права жаловаться на то, что его обижают.).

Драйзер, наблюдая это противоречие, ни одной из ипостасей ЭИИ (Достоевского) не верит. Доминанта и лидера в нём он не видит. Видит в нём жертву собственной мнительности, чему сострадать тоже не может: если человеку нравится себя изводить в укор своим близким, значит надо близких от него защищать, а не наоборот. Что он и делает. И этим навлекает на себя гнев Достоевского, потому что ломает ему всю игру.

Доминирования Достоевского над собой Драйзер тоже не признаёт. (Он вообще не признаёт над собой ничьей власти (кроме Воли Всевышнего). В армии, в системных отношениях из-за этого чувствует себя дискомфортно, что и на службе, и на карьере его отражается.).

В смирение, кротость, уступчивость Достоевского Драйзер тоже по большому счёту не верит; т, поминутно сталкиваясь с его упорным и яростным сопротивлением (по любому, предложенному Драйзером поводу), с его жесточайшими волевыми протестами, с продолжительными, глухими бойкотами (которые иначе как саботажем не назовёшь), с частыми вспышками агрессивности (которые конечно же вызваны нежеланием Драйзера подчиниться воле Достоевского и признать в нём лидера).

К угрозам, истерикам Достоевского Драйзер относится с кажущимся безразличием, — старается их переждать и перетерпеть, как непогоду, надеясь, что тот скоро устанет, от собственной взвинченности — покричит, выпустит пары, успокоится, тогда можно будет с ним и поговорить.

Хотя, конечно, и разговаривать с ним после всего пережитого, Драйзер тоже не всегда может: всё то, что он видит и претерпевает от этого человека, его глубоко угнетает, подавляет, выматывает. Шокирует само осознание того, что человек, чуть ли не во всеуслышанье объявляющий себя праведником, заявляя о своей скромности, чуткости, доброте и смирении, может так деспотично и так жестоко обращаться со своими близкими, бесцеремонно манипулируя ими, распоряжаясь их волей, их действиями, их судьбой, терроризируя их упрёками, истериками, стараясь вызвать у них непреходящее чувство вины, переадресовывает на них свою агрессию, срывает на них своё

раздражение, опутывает множеством трудно выполнимых обещаний и обязательств и жесточайшим образом контролирует их выполнение, навязывает свою волю, свои взгляды, вкусы, привычки, ставит их в зависимые и тупиковые ситуации, сковывая множеством моральных и возможностных запретов и ограничений. И при этом постоянно, лукавит, лицемерит, блефует, плутует, стараясь представить свои поступки и действия в самом выгодном. И после всего этого ещё берётся объявлять себя праведником.

В свете всего этого, Драйзер не может воспринимать претензии и наставления Достоевского всерьёз. Его разглагольствования по поводу совести (которую "тоже надо иметь") — вообще пропускает мимо ушей: "О совести это вы лучше себе скажите!" — вспоминается реплика из популярного фильма.

В конечном итоге Драйзер начинает игнорировать требования Достоевского, равно как и другие попытки повлиять на него. Достоевский всеми силами пытается вернуть себе былое влияние. И дело тут не только в принципе, и не в субординации отношений, а в ощущении элементарной их безопасности для Достоевского. Достоевский начинает бояться Драйзера, потому и пытается подавить его сопротивление, подчинить о своей воле, взять под контроль, вернуть на прежнее, унижительно подчинённое, и одновременно с этим, — двусмысленное и неопределённое место в системе.

Не в силах терпеть это, Драйзер разрывает свои с ним отношения, даже если этот человек — очень близкий его родственник.

Для Драйзера нет ничего хуже, чем пожизненно терпеть диктат или психологический террор кого бы то ни было (в том числе и Достоевского). Стараясь избежать этого, предпочитает не попадать в те условия, при которых мог бы стать пожизненно зависим от его воли (по этой причине очень неохотно и настороженно с ним сближает дистанцию).

Как программный этик и интуит Достоевский, разумеется, понимает всю непрочность и недолговременность этих связей. Но как деклатим и аристократ, отмечая многие достоинства Драйзера и отслеживая определённую пользу и выгоду своих с ним отношений, он постарается всеми силами удержать его возле себя. Поэтому будет пытаться опутать его какими - то сложными неоднозначными связями и отношениями, обременительными моральными обязательствами, на выполнении которых будет настаивать. В случае отступления от обязательств или невыполнения их должным образом, будет навязывать Драйзеру комплекс вины.

[Источник](#)

[Обсудить на форуме](#)

Драйзер - Достоевский (Стратиевская) - Часть 4

Автор: admin

05.10.2010 23:12 -
